

КИРИЛЛОВА Ольга Алексеевна / Olga KIRILLOVA

| Михаил Уваров. Третья природа. Смертию смерть поправ |

КИРИЛЛОВА Ольга Алексеевна / Olga KIRILLOVA

Украина, Киев.

Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова. Кафедра культурологии.
Доцент, кандидат философских наук.

Ukraine, Kiev.

National Pedagogical University named after M. P. Dragomanov.
The Department of cultural science. PhD in philosophy, senior lecturer.olga-kirillova@yandex.ru

МИХАИЛ УВАРОВ. ТРЕТЬЯ ПРИРОДА. СМЕРТИЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ.

Рецензия на книгу М. С. Уварова (1955–2013) «Третья природа: размышления о культуре и цивилизации» (СПб.: 2012) дает обзор ключевых проблем вошедших в книгу: культура как «третья природа» в соотношении с «четвертой природой» (виртуальностью), необходимость ее «очеловечивания» — гуманизации и антропологизации, статус метафизического в ситуации пост-постмодерна; проблема жизни, смерти и бессмертия в постметафизическом мире.

Ключевые слова: *третья природа, социокультурная реальность, виртуальная реальность, человекомерность, прикладная метафизика, иммортология культуры, виталогическая интерпретация*

Mikhail Uvarov: The Third Nature. Dead Contra the Dead

The review of Prof. Mikhail Uvarov's (1955-2013) last book, "The Third Nature: A reflection of culture and civilization" (SPB, 2012), presents a look at the main questions of this book. The article reviews the notion of culture as a "third nature" in correlation with the "fourth nature" (virtual reality), the necessity of its humanization and anthropologization, the status of metaphysical things in post-modern culture, and the problems of life, death and immortality.

Key words: *third nature, socio-cultural reality, virtual reality, people, applied metaphysics, immortality culture, vitalogical interpretation*

Последняя книга Михаила Семеновича Уварова — доктора философских наук, профессора кафедры философской антропологии СПбГУ — «Третья природа: размышления о культуре и цивилизации» (Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2013) как итог культурфилософских рефлексий, годами выкристаллизовавшихся в статьях, лекционных курсах по философии культуры и философской антропологии, уникальна совершенно неповторимым тематическим сплавом четко структурированной культурологической проблематики, экзистенциального и метафизического осмысления постмодерна, воскрешённого в живых примерах, и скрупулёзной антропологической реконструкции русской интеллигенции в ситуации постмодерна. Последовательно осуществлённый в книге возврат к человеку (воскрешение человека!) в ситуации постгуманизма, столь часто осмысляемой в критическом дискурсе отечественной культурологии последнего десятилетия, никогда ещё не был столь живым и убедительным. Эта книга наиболее «человекомерна» и в том отношении, что из всех десяти научных монографий М. С. Уварова она наиболее объемно воссоздает мир автора, с его обостренной метафизической чувствительностью, неподдельным ощущением возвышенного, непафосной гуманностью и пронзительным гуманистическим пафосом, если вернуть этому последнему слову его наилучший смысл.

«Третья природа» — культура как «человекосозидающая реальность» для М. С. Уварова несоизмеримо важнее «четвертой», виртуальной, определенной в одном из подразделов как «Интернет, @». И в этой «третьей природе» метафизический уровень является определяющим, структурирующим культурную реальность. Этой теме в значительной мере посвящена первая из частей книги — «Культура и коммуникация». «Живая метафизика» М. С. Уварова, пронизывающая, созидающая культуру, всего далее от «абсолютной фундаментальности и сложившейся системы знания»; в сущности, он и был одним из тех немногих, кто, по слову Андрея Белого, способен «заниматься метафизикой» в ее прикладном изводе, идущем от Боэция и Данте: «Метафизика представляет собой один из самых сложных исторических типов философского (и религиозного) дискурса не только в силу исторической укорененности ее в человеческом мышлении (. . .) В «теле» метафизики, как и в любом другом типе размышлений о мире, существует комплекс проблем, возобновление разговора о которых могут поколебать уверенность в самодостаточности уже построенного знания» (с. 118–119). Дихотомический — взрывной и созидающий одновременно потенциал метафизики делают ее основоположной в культуре до наших дней и ничуть не анахроничной, и М. С. Уваров справедливо указывал на то, что «иллюзии полной

КИРИЛЛОВА Ольга Алексеевна / Olga KIRILLOVA

| Михаил Уваров. Третья природа. Смертию смерть поправ |

исчерпанности языка традиционной метафизики (даже в его классическом, «дискурсивном» варианте) вряд ли оправданны» (с. 114), указывая на ее проявления в психоаналитическом и деконструктивистском изводах, где «пауза недеяния», оформляющая ситуацию постмодернизма, грозит превратиться в разлом «логоцентрического тела» европейской культуры» (с. 118).

О необходимости предельно личного, личностного преломления метафизики шла речь и в предыдущей книге М. С. Уварова «Поэтика Петербурга» (отмеченной в 2011 году премией «Вторая навигация»). Нащупывая предсказанную Мерабом Мамардашвили точку трансценденции, общую для философии и для религии, «после которой они радикально расходятся», он настаивал на том, что «речь идет не о метафизических истинах, касающихся трансценденции, а о том отношении к действительности, которое каждый человек — будь он философ или богослов — выражает на соответствующем его миропониманию языке», поскольку «дело не в метафизике сущего, не в понимании бытия, а во внутреннем ощущении собственной экзистенции, своего личного отношения к Dasein» (с. 107) — метафизическое обретает смысл в предельной индивидуализации; поэтому проблема «лица» в теме «личности», явленная в различных версиях — от католических персоналистов до Левинаса — в значительной мере определяла «лицо» философского творчества М. С. Уварова.

Прикладная метафизика. Иммунология культуры. Эти темы всё более настойчиво заявляют о себе в последние годы с назревшей необходимостью метафизического ренессанса на излете «пост-постмодернизма», объятото невозможностью продолжения игры как культуры и истории как игры (бесконфликтной согласно Ф. Фукуяме лишь до начала третьего тысячелетия). 2013 год унес жизни двух выдающихся российских философов, работавших в этом поле: М. С. Уваров и В. Л. Рабинович (которого в «Поэтике Петербурга» М. С. Уваров называет духовным наставником исследовательского проекта, с его «виталогическими» мыслями-интерпретациями). «Виталогия», логика движения к жизнеутверждению и метафизическому бессмертию определяет логику книги «Третья природа: размышления о культуре и цивилизации». Отталкиваясь от классического культурософского рассмотрения культуры и цивилизации, М. С. Уваров во второй части книги «Третья природа и постмодернизм» уделяет немало внимания сугубо постмодернистской проблеме смерти метафизики и метафизической смерти, утверждая: «Танатология, превращающаяся в особый

вид «веселой науки», которую мог бы приветствовать сам Ницше, вряд ли имеет будущее. И в этом, несомненно, заключена определенная доля оптимизма. Возможно, что бессмертие, а не смерть Бога, Человека, Культуры и Автора станут ориентирами в поисках новой вехи бытия «третьей природы»».

«Смертию смерть поправ» — пасхальную литургическую формулировку М. С. Уваров относит к постмодернистскому проекту как таковому в одном из подразделов книги: как ни парадоксально, войдя в реалии повседневного языка культуры, закрепившись благодаря культуре экранной, смерть превращается в элемент игры, вытесняясь своей противоположностью. «Смертию смерть поправ» — такой был творческий концепт М. С. Уварова, возникающий в разных работах. В «Поэтике Петербурга» он тщетно ищет это иммунологическое зерно в метафизике городского текста: «Жизнь города началась в полном соответствии с евангельскими предначертаниями — смерть попрала смерть, но жизнь, родившаяся здесь, не могла стать жизнью вечною. Она изначально явила болезнь к смерти, предстала жизнью, стремящейся к смерти» (с. 116).

И в третьей части книги — «Интеллигенция: семиотика повседневного» помянутая болезнь петербургской культурной реальности преодолевается вновь личностным фактором. Как один из важных аспектов «одухотворения» и «очеловечивания» этой повседневности отметит, в частности, количество осознанных «соловьевцев» в этом поколении философов, в первую очередь петербургских: «... это не есть переход к новой системе религиозных ценностей, а лишь изменение их структуры и артикуляций, ставящие задачу «очеловечивания человека» прямым утверждением божественных, абсолютных и предзаданных идеальных норм в жизнь» (с. 182–183). Именно эта стремящаяся к идеальному прослойка превращается в современности, по словам М. С. Уварова, «в феномен маргинальной, «мерцающей» природы». Интеллигент, в отличие от интеллектуала, добавим от себя, безошибочно распознаваем даже в тексте — глоссарием, сохранившим необходимое количество «маркеров идеального», выбором объектов интерпретации, недоступных «интеллектуалу». И в тексте, и вне его М. С. Уваров остается (в настоящем времени!) петербургским интеллигентом, обосновывая этот статус онтологически и аксиологически.

Также цит.: Уваров М. С. Поэтика Петербурга. Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2011. — 252 с.

